

ВОЛЬНОЕ СЛОВО

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

Prix: 50 centimes.

Вторникъ 20 декабря 1881
8 декабря

Отдельные нумера продаются по 50 сант. въ книжномъ магазинѣ Н. GEORG, Genève, rue de la Corraterie. Телеграммы, письма и корреспонденція въ редакцію адресуются: rédaction du journal «LA PAROLE LIBRE» Poste-restante, Eaux-Vives, Genève. Желающихъ имѣть лично объясненія съ редакціей просятъ обращаться по тому же адресу.

Слѣдующій № „Вольнаго Слова“ выйдетъ 3-го января 1882 года.

ПОДПИСКА НА 1882 ГОДЪ
НА ЕЖЕНЕДЕЛЬНУЮ ГАЗЕТУ

„ВОЛЬНОЕ СЛОВО“

принимается по адресу: Genève, poste-restante, Eaux-Vives, à la rédaction du journal «LA PAROLE LIBRE».

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

на годъ (50 №№).	20	франковъ
„ 3 мѣсяца	6	„
„ 1 мѣсяцъ (4 №№).	2	„

Отдельные №№ продаются въ Женевѣ: въ русской типографіи, Terrassière, 31 и въ книжномъ магазинѣ Н. GEORG, rue de la Corraterie, 10.

Подписавшіеся на годъ могутъ по желанию получить *бесплатно* всѣ 20 номеровъ, составляющіе изданіе 1881 года.

СОДЕРЖАНІЕ:

1) Чего не хочетъ правительство и къ чему стремится лучшее люди въ Россіи. — 2) Справки для быстротѣйшихъ публицистовъ «Руси» и «Новаго Времени». — 3) Война «Новаго Времени» съ г. Славовичемъ и миръ съ поляками. — 4) Историческая Польша и великорусская демократія, XVIII, (окончаніе) М. Драгоманова. — 5) Изъ Петербурга (отъ личной корреспонденціи), И. Ф. — 6) Шпіонство въ Женевѣ. — 7) Хроника рабочаго движенія: I. Союединенные Штаты Сѣверной Америки. II. Франція. III. Германія. — 8) Херсонская земская управа и галицкій земскій комитетъ. — 9) Славянскій праздникъ въ честь В. В. Верещагина въ Вѣнѣ. — 10) Опечатки. — 11) Объявленіе.

Женева, 20 декабря.

Въ то время, когда самодержавная власть въ Россіи ищетъ возстановить поколебленное историческимъ ходомъ народной жизни свое положеніе, старается найти точку опоры въ средѣ и при содѣйствіи общественныхъ силъ, эти послѣднія все болѣе и болѣе удаляются отъ трона, бѣгутъ во свояси, оставляя на административныхъ вершинахъ одиѣ только бездарности. Всѣ помыслы сознательной части народа сосредоточены на вопросахъ самоуправленія, на освобожденіи личной и общественной самостоятельности отъ правительственной опеки. Сиротамъ государевымъ ничего болѣе неужно, какъ полного забвенія со стороны власти; они страстно желаютъ, чтобы начальство оставило ихъ въ покоѣ, не заботилось объ ихъ „благоденствіи“ и не мѣшало этимъ работамъ дѣйствовать имъ самимъ, не мѣшало ж и т. д. „Сами управимся“, — таковъ лозунгъ нашихъ нынѣшнихъ общественныхъ дѣятелей. Даже добровольно вызвавшаяся охранять личность царя горсть свѣтскихъ щеголей, и та сторонится служилого люда, не хочетъ имѣть дѣла съ охранителями по обязанности. Къ суду за бездѣйствіе власти общество относится съ полнымъ равнодушіемъ (дѣло Мровинскаго, Теглева и Фурсова); съ нѣкоторымъ любопытствомъ встрѣчаетъ оно судъ за превышеніе власти (дѣло Токарева, Лошкарева и др.), но встрѣчаетъ этотъ парадъ официальной справедливости съ усмѣшкою, хорошо зная, что этотъ спектакль не болѣе, какъ коротенькое явленіе изъ длинной, нескончаемой драмы ежедневно и повсемѣстно разыгрывающихся грабежа и насилія, пменуемыхъ превышеніемъ власти. За границей, гдѣ въ дѣйствіяхъ правительствъ привыкли видѣть нѣкоторую

тактичность, чуткость къ господствующему настроенію умовъ и способность править на почвѣ наличныхъ интересовъ населенія, на нынѣшнія выходки петербургскаго правительства, на его безсистемныя и прямо противорѣчивыя другъ другу „начинанія“ смотрятъ, какъ на доказательство недомыслия высшихъ государственныхъ властей, какъ на признакъ отсутствія опредѣленной правительственной программы.

Между тѣмъ, въ сознаніи управляемыхъ давно сложилось ясное представленіе о томъ, что имъ нужно. При всей трудности формулировать ихъ desiderata, — болѣею частью недосказанныя или намѣченные полусловами, между строкъ, въ рѣчахъ земскихъ гласныхъ, обыкновенно прерываемыхъ усердствующими начальству предсѣдателями, и въ журнальныхъ статьяхъ, зачастую вырѣзываемыхъ, не смотря на ихъ эзоповскій языкъ, пронизательною цензурою, — мы попытаемся воспроизвести ихъ съ нѣкоторою опредѣленностію. На сколько намъ извѣстно, эти desiderata сводятся къ слѣдующимъ положеніямъ:

1. Рѣшительное устраненіе чиновно-административной инициативы въ дѣлѣ государственныхъ преобразованій.

2. Разсрелоточеніе государственнаго управленія по областямъ на слѣдующихъ основаніяхъ:

а) Каждая крестьянская община получаетъ значеніе самостоятельной единицы въ экономическомъ, финансовомъ и административномъ отношеніи, совершенно такъ же, какъ и частныя хозяйства. Всякая общественная служба въ нихъ, равно какъ и охрана личной безопасности возлагается на выборныхъ людей, безъ всякаго правительственнаго вмѣшательства въ эти выборы и права утвержденія избранныхъ лицъ въ должностяхъ. Все, что относится

СПРАВКИ

для быстрослетных публицистовъ „РУСИ“ и „НОВАГО ВРЕМЕНИ“.

Быстрослетность, какъ известно, есть вещь довольно цѣнная въ публицистикѣ и отчасти по праву, — по нѣкоторые русскіе публицисты очень ужъ быстрослетны и, заботясь только о томъ, чтобы произвести впечатлѣніе, не думаютъ о точности фактовъ, на которыхъ они рассчитываютъ основать это впечатлѣніе. Мы беремъ на себя время отъ времени давать дѣловыя справки для охлажденія быстрослетныхъ заключеній русскихъ публицистовъ, разсуждающихъ о дѣлахъ слишкомъ важныхъ, чтобы ихъ рѣшить можно было однимъ пыломъ и быстротою полета.

На первый разъ начнемъ съ публицистовъ оффиціальныхъ, — „Руси“ и „Новаго Времени“.

„Русь“ надѣлала на этихъ недѣляхъ шуму статьями о берлинскомъ трактатѣ 1878 г., который, по ея словамъ, причина „крамолы“ и сея „злodingий“ въ Россіи, разумѣется, косвенная причина. Между тѣмъ демонстрація на Казанской площади произошла какъ разъ во время разгара войны, а выстрѣлъ въ г. Трепова, вызвавшій произволъ этого императорскаго чиновника противъ одного изъ участвовавшихъ въ этой демонстраціи, случился тоже раньше берлинскаго трактата. Мы не говоримъ уже объ арестахъ 1874 г., характеръ и результатъ которыхъ (способы арестовъ, содержаніе арестованныхъ, четырехлѣтнее заключеніе до суда, судъ, административная высылка оправданныхъ, увеличеніе наказанія противъ положеннаго даже судомъ и пр.) куда лучше объясняютъ „злodingіи“ крамолы, чѣмъ всякія натяжки на косвенное вліяніе разочарованія послѣ берлинскаго трактата.

„Новое Время“, возставая противъ мысли о самоуправленіи областей Россіи, замѣчаетъ, что въ областяхъ западной ея половины, не исключая и Малороссіи (Черн. и Полт. губ.), можетъ взять верхъ аристократическій элементъ, тогда какъ массы ихъ „тяготеютъ къ демократической Великороссіи, къ русскому государственному принципу“. Массы, конечно, вездѣ тяготеютъ къ демократіи, но чтобы гдѣ нибудь на Западѣ Россіи массы тяготѣли (?) къ Великороссіи и чтобы эта послѣдняя была такъ ужъ демократична, это очень спорно. Въ моментъ эмансипаціи крестьянъ приходилось на 1 помѣщика: въ Московской губерніи — 121 душа крѣп. крестьянъ и 306 десятинъ земли, во Владимирской 144 души, 347 дес., въ Нижегородской 257 душъ, 747 дес., — а въ Малороссіи: въ Полт. губ. — 46 дупл., 184 дес., въ Черн. 62 души, 281 десятинъ*). Затѣмъ, какъ известно, въ Малороссійскихъ губерніяхъ число крестьянъ, выкупившихъ свои надѣлы, т. е., ставшихъ болѣе независимыми отъ помѣщиковъ, болѣе, чѣмъ въ Великороссійскихъ (въ названныхъ губерніяхъ въ частности къ 1881 г. крестьянъ, приступившихъ къ выкупу, было: въ Черниговской губ. — 88%, въ Полт. 76%, — въ Моск. 83%, во Владим. — 72, въ Нижегород. 62%). При-

*) Всѣмъ известно, что за аристократъ или даже прямо баринъ, въ великороссійскомъ смыслѣ, мелкпомѣстный помѣщикъ въ Малороссіи.

бавьте въ этому, что въ Малоросс. губерніяхъ треть сельскаго населенія — казаки, — и вы поймете, почему даже земства Малороссійскія были на столько болѣе демократичны, чѣмъ великороссійскія, что правительство, по ходатайству дворянъ, должно было помѣнить законъ объ участіи малор. казаковъ въ земскомъ избирательствѣ. — Даже и въ губерніяхъ западнаго берега Днѣпра, хотя аристократическій элементъ и не очень подорванъ, но онъ вовсе не силенъ, чѣмъ въ Великороссіи, уже потому, что здѣсь проведенъ обязательный выкупъ крестьянъ и при томъ на условіяхъ, болѣе выгодныхъ для нихъ, чѣмъ въ Великороссіи.

Всѣ эти разглагольства московфильствующихъ публицистовъ и администраторовъ о мнѣшномъ демократизмѣ Великороссіи и аристократизмѣ западныхъ „окраинъ“ сводятся обыкновенно къ поддержанію самодержавія во всей Россіи, бюрократизма на „окраинахъ“ и аристократизма въ Великороссіи. Дали бы сначала свободныя областныя учрежденія для всей Россіи, основанныя на демократическомъ началѣ, если оно точно такъ ужъ интересно московфильскимъ политикамъ, — да тогда бы и посмотрѣли, куда тамъ и какъ тяготеютъ массы въ разныхъ областяхъ Россіи!

ВОЙНА „НОВАГО ВРЕМЕНИ“

съ г. Спасовичемъ и миръ съ поляками.

Кто читаетъ „Н. Вр.“, тотъ замѣтитъ, что эти два вопроса тѣсно связаны въ этой газетѣ одинъ съ другимъ. „Новое Время“ сердито на г. Спасовича и слышать не хочетъ о примиреніи русскихъ съ поляками. Но вотъ курьезъ: при самомъ началѣ суворинскаго періода „Новаго Времени“, въ немъ было напечатано нѣсколько статей о примиреніи русскихъ съ поляками въ такомъ родѣ, что мы бы нѣсколько не удивились, если бы авторомъ ихъ оказался инкто другой, какъ г. Спасовичъ. Очень интересно было бы, еслибы этотъ авторъ снялъ теперь свою маску, но небезынтересно и то, что „Новое Время“ сокрушается теперь тѣ самыя идеи, которымъ само еще такъ недавно служило. О, нравы!

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛЬША

ВЕЛИКОРУССКАЯ ДЕМОКРАТІЯ.

XVII.

(Окончаніе)

Мы окончили историческій обзоръ отношеній между польскими и великорусскими революціонерами, изъ котораго читатель можетъ видѣть, на сколько тѣми и другими руководили и руководятъ гораздо болѣе фикціи былого и теперешняго государства и государственныхъ національностей, нежели представленія о реально-существующихъ народахъ, которые представляютъ и реальныя національности, а равно и то, — на сколько эти фикціи вредятъ дѣлу освобожденія всѣхъ народовъ бывшей Польши и теперешней Россіи. Уже изъ самой критики этихъ фик-

цій и основанной на нихъ политики не трудно сдѣлать и выводы относительно другой политики, которая бы была основана на идеѣ о дѣйствительныхъ народахъ-націяхъ. Но прежде, чѣмъ мы перейдемъ къ этимъ выводамъ, мы считаемъ нужнымъ сдѣлать одну оговорку относительно самой вышеизложенной критики.

Читателю могло показаться, что критика эта исходила изъ односторонняго и, во всякомъ случаѣ, частнаго основанія. Мы дѣйствительно постоянно примѣривали теоріи и дѣйствія разныхъ польскихъ и великорусскихъ партій и круговъ къ народу украинскому и занимались этимъ народомъ гораздо болѣе, чѣмъ другими плебейскими народами бывшей Польши и теперешней Россіи. Такъ поступали мы не только потому, что для насъ, какъ для украинца, положеніе этого народа всего ближе и извѣстнѣе, но и потому, что отношенія разныхъ польскихъ и великорусскихъ элементовъ къ этому народу представляютъ на себѣ наиболѣе типическихъ сторонъ отношенія разныхъ элементовъ націй привилегированныхъ къ націямъ плебейскимъ, а также и потому, что изъ всѣхъ плебейскихъ націй Востока Европы украинская нація и самая многочисленная, и самая энергичная, и по своему географическому положенію, равно какъ и по самой своей родственности съ важнѣйшими изъ тамошнихъ привилегированныхъ націй, обречена играть особенно видную роль не только какъ важнѣйшій изъ объектовъ захвата для центростремительнаго элемента въ національностяхъ привилегированныхъ, но и какъ важнѣйшій изъ центробѣжныхъ элементовъ на Востокѣ Европы. Въ свое время украинцы, отчасти организованные въ политическомъ отношеніи, потрясли существованіе польскаго государства; въ XIX ст. украинцамъ же, организованнымъ пока только на научно-литературномъ полѣ (и то не очень еще сильно) принадлежитъ самая видная роль въ поднятій общаго федеративнаго вопроса въ Восточной Европѣ, который, конечно, приведетъ за собою потрясеніе основъ Россіи, какъ централизованнаго государства. Наконецъ, если нельзя согласиться безусловно съ тѣми истолкователями теперешняго революціоннаго броженія въ Россіи, которые, какъ напр. проф. Иловайскій, видятъ въ немъ преимущественно „украинскую интригу“, — то огромное процентное отношеніе украинцевъ (хотя бы и не сознающихъ себя таковыми) въ русскихъ революціонныхъ кругахъ есть явленіе во всякомъ случаѣ весьма характерное и общающее важныя послѣдствія, — тѣмъ болѣе, что изъ всѣхъ народныхъ массъ Россіи въ настоящее время едва ли не болѣе другихъ взволнованы текущими событіями массы народа украинскаго. Вотъ почему, думается намъ, что примѣриваніе стремленій, программъ и способовъ дѣйствія разныхъ польскихъ и великорусскихъ партій къ положенію народа украинскаго имѣетъ интересъ и теоретическій, и практический, не только частный, но и общій для мыслящихъ людей всѣхъ націй Восточной Европы.

Съ точки зрѣнія общихъ интересовъ этихъ націй мы разсматривали и польскій вопросъ, къ которому мы и подошли, исходя именно изъ этихъ интересовъ. Напомнимъ читателямъ нашъ намекъ въ самомъ началѣ настоящей статьи о томъ, что настоящее революціонное и вообще сколько нибудь активно-оппозиціонное движеніе въ Россіи не имѣетъ должной силы, между прочимъ, потому, что въ немъ не принимаютъ достаточнаго участія поляки, — что польскій вопросъ не поставленъ въ настоящее время никакъ съ достаточной энергіей. Если бы теперь среди поляковъ проявилось движеніе хоть въ такой же степени сильное, какъ въ началѣ 1860-хъ годовъ, — то борьба съ существующимъ порядкомъ въ Россіи вообще была бы облегчена въ значительной степени, конечно, если бы при этомъ не были повторены тогдашнія ошибки.

Признаемся откровенно, что, говоря о польскомъ движеніи, мы разумѣемъ преимущественно движеніе національно-политическое. Какъ ни рады мы появленію среди поляковъ зачатковъ социалистическаго движенія, мы не можемъ же не видѣть, что это послѣднее не только теперь не имѣетъ значительнаго количества послѣдователей, но и не можетъ имѣть ихъ въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ. Сколько бы ни говорили, что социальный вопросъ есть „вопросъ желудка“, а потому будто бы легко понятный для всѣхъ, — по вопросу не самого непосредственнаго ощущенія голода, а организации постоянного спасенія людей отъ этого голода, есть одинъ изъ самыхъ сложныхъ вопросовъ, а потому и одинъ изъ тѣхъ, которые требуютъ много времени для уясненія и разрѣшенія, даже теоретическаго. Вотъ почему еще долго ждать, пока польское социалистическое движеніе станетъ значительною политическою силою. Мы думаемъ, что на извѣстное время это движеніе гораздо болѣе имѣетъ шансовъ развитія въ Познаніи и въ Галиціи, чѣмъ въ Царствѣ Польскомъ. Другое дѣло польское національно-политическое движеніе, которое и теперь можетъ имѣть за себя, такъ или иначе, сотни тысячъ, если не миллионы, народа, — такъ какъ трудно себѣ представить мало-мальски нравственно развитого поляка, который бы не хотѣлъ извѣстной независимости и свободы для своего племени. Вотъ почему мы оставляемъ здѣсь рѣчь о чисто-социалистическомъ, — экономическомъ, — движеніи въ Польшѣ, о которомъ поведемъ рѣчь въ особой статьѣ — „Польскія социалистическія программы и принципы государственности“, — и остановимся исключительно на вопросѣ объ участіи поляковъ въ предстоящемъ политическомъ переворотѣ въ Россіи, тѣмъ болѣе, что, какъ мы видѣли, и двѣ, заявившія себя въ печати, фракціи польскихъ социалистовъ подошли въ послѣднее время къ этому вопросу.

Кто говоритъ, какъ группа „Przedświta“, — „политическая свобода“, тотъ уже тѣмъ самымъ говоритъ: и областная, и національная независимость; иначе онъ не понимаетъ произносимыхъ имъ словъ. Независимость извѣстной области и націи можетъ быть

достигнута или полнымъ отдѣленіемъ ея въ особенное государство (сепаратизмъ), или огражденіемъ ея самоуправленія безъ этого отдѣленія (федерализмъ). Когда идетъ дѣло о такой или иной автономіи Польши, то прежде всего является вопросъ: какой Польши? Исторической, или этнографической? Примеръ 1863 г. доказалъ, что всякое заявленіе въ пользу возстановленія независимости исторической Польши можетъ быть только вредно для свободы и поляковъ, и всѣхъ другихъ народовъ, подвластныхъ российской деспотіи. *Теперь для здравомыслящихъ людей можетъ быть только рѣчь о независимости Польши этнографической*, — т. е., когда идетъ рѣчь о польскихъ земляхъ въ Россіи, то даже не о всей Конгрессуви, такъ какъ и въ ней Холмско-Сѣдлецкій край населенъ не поляками, а украинцами, а Августовскій населенъ литовцами и даже до раздѣловъ Польскаго государства входилъ въ составъ Литвы*). Край, лежащій за границами этнографической Польши, должны получить свою автономію, и польскій вопросъ въ этихъ краяхъ можетъ быть только вопросомъ о правахъ польскихъ лицъ и обществъ или, мѣстами, общинъ, колоній.

Какой путь рациональнѣе для полученія автономіи Польши и поляковъ: сепаратистическій или федералистическій? Мы думаемъ, что экономическая исторія привислнской Польши показала, что государственное ея отдѣленіе отъ днѣпровскаго бассейна было бы для нея невыгодно. Кромѣ того оно и практически неосуществимо, такъ какъ поляки одни безсильны побѣдить Россійскую имперію, а на иностранную помощь теперь разсчитывать не на кого, такъ какъ даже Австрія одна не станетъ вести наступательной войны съ Россіей за обладаніе Варшавой, а Пруссія, если бы и захотѣла отдѣлить Варшаву отъ Россіи, то для германизации отторженной области, чего не желаютъ сами поляки. Остается слѣдовательно — путь федераціи. Варшавскій край можетъ получить извѣстную автономію или непосредственно отъ теперешняго русскаго правительства, какъ было сталъ онъ получать ее при марк. Велепольскомъ, или при общемъ преобразованіи Россіи. По нѣкоторымъ признакамъ, можно думать, что теперь между поляками есть круги, которые склонны вѣрить въ осуществимость первой возможности. Въ этомъ убѣждаютъ насъ панегирики марк. Велепольскому, которые теперь исходятъ даже отъ людей, причисляемыхъ къ лагерю либерально-демократическому, а также заявленія польскихъ газетъ и корпорацій о легальности поведенія поляковъ въ виду происходящей теперь „смуты“ въ Россіи. Несомнѣнно, что среди поляковъ есть люди, которые думаютъ, что, если не при-

*) Считаемъ нужнымъ оговориться, что послѣднія мѣры русскаго правительства къ овладѣнію холмско-сѣдлецкихъ русиновъ и насильственное ихъ обращеніе изъ униатовъ въ православіе вызвали у нихъ наклонъ къ полонизму, который, еще не извѣстно, къ чему приведетъ. Во всякомъ случаѣ, только прекращеніе религіозныхъ гоненій и возбужденіе среди нихъ украинскаго самосознанія можетъ остановить католическую и польскую реакцію среди этого населенія.

мыми заявленіями легальнаго и даже консервативнаго направленія, то просто выжидательнымъ сохраненіемъ спокойствія, — можно наконецъ дожидаться момента, когда царское правительство согласится возвратиться къ системѣ марк. Велепольскаго. Къ такой политикѣ должны обнаруживать особенную склонность именно историческіе патріоты польскіе, такъ какъ она ни къ чему не обязываетъ по отношенію къ населеніямъ неполюскихъ областей, а между тѣмъ административная автономія Конгрессуви (все таки своего рода исторической, а не этнографической, Польши), — мечтается, — послужить первымъ камнемъ для отстройки всего зданія Польши 1772 г.*).

Но дѣло въ томъ, что всякіе разсчеты на уступчивость истербургскаго правительства теперь мало основательны, не только потому, что никакое правительство не уступаетъ, если у него не требуютъ уступокъ (и самое управленіе марк. Велепольскаго было результатомъ агитаціи противъ системы кн. Паскевича), но и потому, что итербургское правительство перестало быть въ полномъ смыслѣ самодержавнымъ по отношенію къ полякамъ: оно уже давно зависитъ отъ указаній великорусско-нѣмецкихъ централизаторско-обручительныхъ круговъ, которыя, указанія, еще въдобавокъ пользуются поддержкою и берлинскаго кабинета**). Такимъ образомъ, *польскій край въ Россіи можетъ получить автономію, равно какъ и всю сумму правъ, составляющихъ сущность политической свободы, только вступивъ съ другими краями этого государства. А получить все это могутъ только дружная нація и правительство, произведеннаго съ ясно-сознаннымъ программой. Программа эта должна быть федеральная, съ признаніемъ полной равноправности всѣхъ областей и національностей*. Въмѣстѣ съ тѣмъ, по особенному положенію Россіи, какъ государства преимущественно мужицкаго, а также вслѣдствіе того, что между собственною Польшею и Великороссіей лежатъ цѣлыя націи болѣе или менѣе плебейскія, федеральная программа должна принять въ себя непременно *демократическія* стремленія, какъ политическія, такъ и экономическія. Если и въ Австріи арстократическій федерализмъ не имѣетъ большой

*) Характерно, что недавно одинъ изъ биографовъ марк. Велепольскаго, — при всемъ сочувствіи къ идеѣ демократіи и національности, — считалъ нужнымъ бросить нѣсколько намековъ противъ „разлиственностей“ Конгрессуви, согласно принципамъ національностей же.

**) Еще въ 1863 г., говоря о противникахъ уступокъ полякамъ, „Times“ очень вѣрно замѣтилъ, что неуступчивая „старорусская партія“ есть собственно „нѣмецкая партія“ въ правительственныхъ кругахъ Россіи. Съ тѣхъ поръ къ пруссофильскимъ дипломатамъ, остзейскимъ генераламъ и русскимъ бюкратамъ съ катковскими теоріями присоединились и московскіе славянофилы, которые еще въ 1863—64 гг. совѣтовали рѣшать польскій вопросъ не по прусски, а по славянски, по которыхъ православіе загнало въ лагерь катковской обручительной бюкратіи въ дѣлахъ западной половины имперіи, какъ теперь ненависть къ революціи пригнала ихъ къ помѣшечнымъ теоріямъ въ дѣлахъ остальной Россіи.

силы и встрѣчаетъ могучаго врага въ германизаторскомъ централизмѣ, который усиливаетъ себя хоть относительнымъ, буржуазнымъ, демократизмомъ, — то въ Россіи аристократическій федерализмъ совершенная невозможность. Онъ не только не встрѣтитъ къ себѣ сочувствія въ населеніяхъ краевъ, лежащихъ между Польшей и Великороссіей, особенно въ населеніи украинскомъ, но найдеть себѣ открытыхъ враговъ, какъ въ этихъ населеніяхъ, такъ и въ Великороссіи, въ которой добавокъ всѣ централистическіе элементы, не только бюрократическіе, но и помѣщичьи, ухватятся за демократическое знамя (конечно, съ расчетомъ не показывать его на Востокъ отъ Днѣпра), чтобъ только подорвать автономныя движенія въ западной половинѣ имперіи.

Конечно, логически проведенный демократическій принципъ приводитъ къ социализму, но мы совершенно понимаемъ, что такой логичности нельзя требовать въ настоящее время отъ всѣхъ не только въ практикѣ, но и въ теоріи. Такая логичность есть теперь не только дѣло извѣстной некрепности натуры и способности къ самоотверженію, но также, и даже гораздо больше, дѣло дальновидности и извѣстнаго политическаго образованія, — т. е., въ суммѣ, качествъ, еще довольно рѣдкихъ въ теперешнихъ обществахъ. Но въ наше время всякому, имѣющему какія либо общія политическія идеи и стремленія, обязательно уже отрѣшиться отъ всякихъ предразсудковъ бѣлой кости и понять истину, высказанную еще Аристотелемъ, о томъ, что общество (государство) не можетъ быть спокойнымъ при экономическомъ неравенствѣ, а потому и понять, что всякая умная политика, въ томъ числѣ и консервативная, — должна имѣть въ виду всячески уменьшать это неравенство. Польскимъ же политикамъ исторія поставила дилемму: или припятъ искренно демократическую программу (хотя бы на первыхъ порахъ и не социалистическую) въ вопросахъ экономическихъ, при программѣ федеральной въ вопросахъ политическихъ, — или терпѣть надъ своимъ краемъ и племенемъ и, значитъ, надъ самимъ собою чужую диктатуру, въ большей или меньшей степени грубую и деспотическую.

Казалось бы, колебаться въ выборѣ не слѣдовало бы. А потому можно думать, что сколько нибудь реальное размышленіе о своемъ положеніи приведетъ политически образованныхъ поляковъ къ необходимости принять дѣятельное участіе въ образованіи въ Россіи федерально-демократической партіи. Первымъ приступомъ къ образованію такой партіи должно быть основаніе по *всѣмъ областямъ Россіи и среди всѣхъ ея національностей политическихъ обществъ*. Уже этотъ приступъ налагаетъ на теперешнихъ образованныхъ поляковъ довольно нелегкую обязанность: тѣ изъ нихъ, которые живутъ въ непольскихъ областяхъ, должны выдѣлить изъ себя по крайней мѣрѣ извѣстную часть для образованія или для усиленія кадровъ національныхъ партій среди народовъ пле-

бейскихъ въ этихъ областяхъ: латышскихъ, литовскихъ, бѣлорусскихъ и украинскихъ. Идея эта не совсѣмъ нова для польскаго общества, въ которомъ уже были пробы литовскаго, украинскаго и даже бѣлорусскаго направленія и научно-литературнаго, и даже политическаго характера*), — только эти пробы были сравнительно слабы и ложно направлены, все къ цѣли возстановленія Польши 1772 г. Польское общество, въ дѣятельности для этой цѣли обнаружало богатство энергій до такой степени, что давало отъ себя силы на поддержку всякаго врага русскаго деспотизма, даже далеко за предѣлами старой Польши: не только, напр., черкесовъ и другихъ кавказцевъ, но даже хивинцевъ и турецкаго султана, — къ которому поступали на службу вовсе не одни авантюристы, но и убѣжденные польскіе патриоты. Почему это, что дѣлалъ ограниченный и даже ошибочный патриотизмъ, не можетъ сдѣлать широкая идея общаго освобожденія всѣхъ народовъ Востка Европы, тѣмъ болѣе, что въ рамкахъ этой идеи помѣщается и нормальный патриотизмъ реальной польской націи, которая иначе не можетъ быть освобождена, какъ въ общемъ процессѣ освобожденія этихъ народовъ?

До извѣстной степени, то же выдѣленіе изъ себя кадровъ для дѣятельности въ пользу плебейскихъ національностей придется произвести и овеликорушенной интеллигенціи великорусскихъ областей, на Украинѣ, въ Бессарабіи и др. Затѣмъ, сама великорусская страна слишкомъ велика, чтобъ ее могла представлять одна, „единая и нераздѣльная“**), политическая организація.

Когда такимъ образомъ въ каждой изъ областей и національностей Россіи организуются политическія общества, — тогда они образуютъ изъ себя настоящую федерально-демократическую партію, которая и возьмется за дѣло преобразованія Россіи въ дѣйствительно свободную въ политическомъ отношеніи страну, т. е., въ федерацію.

Преобразование это не можетъ быть дѣломъ очень короткаго промежутка времени. Еще самая идея именно о федеративномъ устройствѣ Россіи, какъ мы видѣли, сознается далеко не многими. Разъ же признаная, идея эта должна собрать около себя кружки, которые затѣмъ рѣшатся приступить къ организаціи правильныхъ политическихъ обществъ, а эти послѣдніе уже предпримутъ рядъ дѣйствій, отъ болѣе или менѣе мирныхъ до революціонныхъ, для достиженія своихъ цѣлей. Цѣли эти могутъ быть достигнуты не безъ борьбы не только съ теперешнимъ правительственнымъ элементомъ, но и съ другими, которые могутъ выступить на сцену изъ самаго теперешняго общества, воспитаннаго въ идеяхъ государственно-национальной централи-

*) Среди старой эмиграціи 30-хъ годовъ было общество, назвавшее себя даже „Нитай“ въ память „уманьской рѣзни“, произведенной украинскими гайдамаками въ 1768 г.

**) Мы думаемъ, впрочемъ, что слишкомъ велика для этого и украинская область.

заціи. Дѣйствующія въ настоящее время поколѣнія были бы счастливы, если бы имъ довелось увидѣть по крайней мѣрѣ зложеніе первыхъ основъ превращенія Россіи въ федеральное государство. Эти первыя основы, по нашему мнѣнію, могли бы быть и не очень радикальны, лишь бы онѣ были твердо положены и искренно усвоены обществомъ, такъ чтобъ стали безповоротными, какъ, напр., безповоротныя реформы, какія дѣлаются въ Англіи.

Самымъ прочнымъ залогомъ развитія Россіи въ направленіи федеральномъ и вмѣстѣ съ тѣмъ наибольшей экономіе ея силъ, которыя иначе должны будутъ затрачиваться на періодическія революціи и реакціи, было бы направленіе исхода настоящаго кризиса Россіи къ закладкѣ прочнаго мѣстнаго самоуправленія, а не къ одному только установленію центральнаго представительнаго собранія, по примѣру французскихъ конститутцій. Франція, въ которой съ 1789 г. составлено семнадцать конститутцій, испробовала съ тѣхъ поръ четыре революціи, вытерпѣла три солдатскихъ переворота, — и все таки она едва съ недавняго времени имѣетъ слабыя и неупроченныя зачатки муниципальнаго самоуправления, все еще не полную свободу печати и сходовъ и не имѣетъ свободы ассоціацій: въ ней даже синдикальныя камеры рабочихъ не признаны закономъ и, что всего характернѣе, *существованіе этихъ ассоціацій рабочихъ, какъ и многихъ другихъ свободъ, противно именно законамъ*, — изданнымъ во время великой революціи (1791 — 1796) въ тѣхъ видахъ, чтобы воспрепятствовать возстановленію старыхъ и установленію контр-революціонныхъ ассоціацій! Вотъ что значитъ заботиться о замѣнѣ самодержавія монарха самодержавіемъ народа, не входя въ анализъ того, что такое собственно составляетъ политическую свободу!

Такъ какъ общество состоитъ прежде всего изъ лицъ, а народъ (нація) изъ обществъ, а государство (которое часто называютъ народомъ въ политическомъ смыслѣ) часто изъ разныхъ народовъ, то политическая свобода должна прежде всего состоять изъ разныхъ круговъ учреждений, которыя бы, не закрывая одинъ другого, обезпечивали свободу лицъ, обществъ, народовъ. Поэтому, въ видахъ установленія въ Россіи дѣйствительной политической свободы и желательно было бы главнымъ образомъ установленіе въ ней законовъ и учреждений, которые бы обезпечивали: а) *свободу личную* (исприкосновенность безъ суда, свободу вѣры и безвѣрія, свободу слова и печати, свободу сходовъ, безоружныхъ манифестацій, процессій, — свободу ношенія оружія и военныя гимнастическія упражненія, — *право иска* передъ судомъ противъ всякаго чиновника и учреждений, нарушающаго личную свободу и законные интересы лица; б) *свободу товариществъ*, — частныхъ, культурно-национальныхъ и политическихъ, в) *самоуправленіе общинъ*, сельскихъ и городскихъ, д) *самоуправленіе областныхъ единицъ*, —

начиная отъ менѣе крупныхъ, волостныхъ и уѣздныхъ до болѣе крупныхъ, провинціальныхъ.

Организация самоуправленія провинціального самое трудное теперь дѣло въ Россіи, такъ какъ періодъ московско-петербургской централизаціи, которая прибѣгала даже къ приѣмамъ ассирійской деспотіи, — умышленнаго опустошенія областей и переселенія ихъ жителей, — естественная группировка населенія въ областяхъ разорвана и замѣнена часто совершенно произвольною группировкою ихъ въ уѣзды, губерніи и генералъ-губернаторства, военные, учебные, судебные округа и проч. Изъ всѣхъ этихъ единицъ наиболѣе естественныя — уѣзды, хотя бы только потому, что они наименьшія по объему, а слѣдовательно уѣзды и должны быть приняты за основу построенія провинціального самоуправленія въ Россіи. Конечно, избирательные законы объ уѣздныхъ земствахъ должны быть измѣнены въ направленіи демократическомъ и затѣмъ выборными должны стать не только теперешнія земскія учрежденія, но и вся уѣздная администрація и полиція (что не представляетъ большой новости, такъ какъ при крѣпостномъ правѣ земскіе исправники были выбираемы дворянами). Губернскія учрежденія, вообще, должны быть организованы такъ, чтобы они только дополняли дѣятельность уѣздныхъ, а не являлись надъ ними начальствующею инстанціей. Что касается до губернскаго управленія собственно, то мы думаемъ, что Россіи долго еще не удастся избавиться отъ „попандуровъ“, называемыхъ губернаторами, которыхъ, по всей вѣроятности, сохранило бы, въ своихъ разчетахъ, самое радикальное Учредительное Собраніе, какое только можетъ выставить теперешняя Россія. Но необходимо по крайней мѣрѣ совершенно оградить земскія учрежденія отъ ихъ давленія и теперешней почти кассационной власти, сохранивъ за губернаторами только одно административно-полицейское значеніе, оставивъ ихъ коллегами съ участіемъ избираемыхъ членовъ и оградивъ выборныхъ уѣздныхъ чиновниковъ администраціи и полиціи отъ произвола губернаторовъ несмѣлостью на срокъ выбора иначе, какъ по суду. Затѣмъ, уѣзднымъ земскимъ собраніямъ разныхъ губерній должно быть предоставлено право входить между собою въ соглашеніе касательно общихъ имъ нуждъ, равно какъ и земствамъ губерnskимъ.

Такимъ образомъ постепенно сложится естественная группировка уѣздовъ во вторичныя группы, которыя могутъ со временемъ стать болѣе естественными, чѣмъ теперешнія губерніи, и въ естественныя же третичныя группы, — области въ собственномъ смыслѣ слова, для которыхъ жизнь опредѣлитъ и формы представительства, и кругъ дѣйствій послѣдняго. Такого рода покажетъ двойственное, а послѣ, можетъ быть, тройственное, — областное представительство послужитъ прочною гарантіей не только противъ произвола *центральной администраціи* и ея агентовъ, но и противъ стремленій *центрального представи-*

тельства къ господству надъ областями, при твердомъ установленіи принципа, по которому никакое болѣе широкое представительство не имѣетъ власти надъ болѣе тѣснымъ въ извѣстномъ *кругѣ дѣлъ, заведываніе которыми всецѣло принадлежитъ извѣстнымъ мѣстнымъ учрежденіямъ*. Выстъ съ тѣмъ только опираясь на свободныя областныя учрежденія, *всероссійскій земскій съездъ* получитъ прочное существованіе и избѣгнетъ опасности быть игралищемъ дворцовыхъ реакцій, партійныхъ революцій и контръ-революцій и солдатскихъ переворотовъ, — какими игралищемъ служила съ 1789 г. да служить отчасти и до сихъ поръ Національныя и учредительныя, законодательныя и т. п. собранія централизованныхъ государствъ Западной Европы.

Обеспеченіе личныхъ правъ и общинаго и мѣстнаго самоуправленія служить лучшею гарантіей и *правъ національных*, которыя, въ сущности, суть ни что иное, какъ права личныя: неприкосновенность извѣстныхъ особенностей лицъ и обеспечение для этихъ лицъ наиболѣе естественныхъ для нихъ способовъ и путей развитія до общечеловѣческаго идеала. При нормальномъ ходѣ вещей, каждая національность придетъ къ организаціи своего, необходимого въ особенности для достиженія цѣлей нравственнаго развитія, союза въ предѣлахъ всей области, ея населяемой, такъ что въ государствахъ разнонаціональныхъ національныя бассейны, — особенно, когда они не слишкомъ велики (а это имѣетъ мѣсто почти во всей западной половинѣ Россіи), и представляютъ наиболѣе естественныя области, которыя мы называли третичными. Но въ настоящее время мы признаемъ, что раздѣленіе Россіи по этнографической картѣ на области, съ созданиемъ для каждой изъ нихъ своего рода центрального представительства, было бы дѣломъ слишкомъ доктринерскимъ и даже создало бы въ каждой своего рода національныя централизмы, въ родѣ тѣхъ, какіе замѣчаемъ въ коронныхъ областяхъ Австро-Венгрии. А потому мы думаемъ, что и въ этомъ вопросѣ лучше всего начать построеніе зданія снизу вверхъ. Фундаментомъ для огражденія неприкосновенности національностей и свободнаго развитія ихъ должна быть прежде всего широта личныхъ правъ, свобода частныхъ ассоціацій, а также широта правъ общинъ и уѣздовъ устранять свои дѣла, въ томъ числѣ и дѣла народнаго образованія, въ которомъ національность играетъ особенно важную роль. Право уѣздныхъ и губерnskихъ земствъ входить между собою въ соглашеніе по общимъ для нихъ дѣламъ постепенно выработаетъ формы солидарности между землями, населенными каждою націей, и организуетъ заведываніе дѣлами каждой, въ томъ числѣ и дѣлами народнаго образованія, наиболѣе удовлетворительно.

Необходимо признать, что въ настоящее время осуществленіе на практикѣ совершенно бесспорнаго въ теоріи права каждой націи на всѣ виды народнаго образованія

на своемъ языкѣ обставлено немалыми трудностями. Трудности эти есть единственно результатъ прежней завоевательной, аристократической и бюрократической политики, которой слѣдовали государства извѣстныхъ національностей, успѣвшихъ, по разнымъ причинамъ, естественнымъ и относительно-случайнымъ, занять привилегированное положеніе. Послѣдствіемъ старой политики было: раздѣленіе населеній извѣстныхъ областей на классовыя націи, задержаніе націй плебейскихъ на низшей степени литературнаго развитія и т. п. Дѣло вѣковъ приходится теперь поправлять съ извѣстнымъ вниманіемъ къ сложившимся жизненнымъ условіямъ, а не доктринерски, хотя бы и съ самыми благими цѣлями. И здѣсь самое лучшее начать работу снизу вверхъ, — отъ образованія *элементарнаго, которое и теперь вездѣ можетъ быть производимо на народныхъ языкахъ. Затѣмъ, высшее образованіе на національныхъ языкахъ должно быть введено, по мѣрѣ ихъ литературнаго развитія.*

Сообразно этому, напр., польскій языкъ долженъ теперь же стать языкомъ средняго и высшаго образованія въ польскихъ областяхъ и въ тѣхъ общинахъ за ихъ границами, которыя того пожелаютъ. Тоже самое слѣдуетъ сказать и о языкѣ нѣмецкомъ въ городахъ прибалтійскихъ провинцій, который, впрочемъ, и теперь занимаетъ вполне обеспеченное положеніе. Мы полагаемъ, что въ этихъ провинціяхъ теперь же возможно учрежденіе среднихъ учебныхъ заведеній и съ преподаваніемъ на языкахъ эстонскомъ и латышскомъ, которые могутъ постепенно войти и въ университетское образованіе. Языкъ румынскій имѣетъ всѣ виды учебныхъ заведеній въ королевствѣ Румыніи, а потому учрежденіе румынскихъ гимназій не составитъ большой трудности для Бессарабіи, тѣмъ болѣе, что южная часть ея уже имѣла румынскія гимназій (выстъ съ болгарскою) во время недавняго соединенія своего съ запрутскою Румыніей. Языкъ украинскій имѣетъ въ Австріи свои гимназій (въ Львовѣ полную, въ другихъ мѣстахъ классы) и университетскія каѣдры (въ Львовѣ 4, въ Черновцахъ 1), — по мы признаемъ, что обязательное введеніе этого языка даже въ гимназій Южной Россіи теперь было бы сопряжено съ большими трудностями, — а потому это введеніе должно быть предоставлено естественному ходу жизни. Тоже слѣдуетъ сказать и о языкахъ литовскомъ и кавказскихъ съ тою только разницею, что введеніе этихъ языковъ по крайней мѣрѣ въ гимназій представляетъ тѣмъ болѣе настоятельную нужду, чѣмъ болѣе эти языки отличны отъ теперешняго государственнаго языка, великорусскаго. *Вообще же во тѣхъ случаяхъ, гдѣ, въ уваженіе теперешняго положенія вещей, языкомъ средняго и высшаго образованія нужно будетъ оставить языкъ великорусскій, до большаго развитія языковъ мѣстныхъ, необходимо: предоставить полную свободу преподаванія на этихъ языкахъ въ заведеніяхъ частныхъ и общинныхъ, а*

также ввести во всѣхъ среднихъ и высшихъ заведеніяхъ особыя кафедры для мѣстныхъ языковъ, сознательное употребленіе и основательное знаніе которыхъ необходимо для всѣхъ мѣстныхъ дѣятелей. Кроме того, въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ должно быть дано право какъ приватъ-доцентамъ, такъ и штатнымъ профессорамъ открывать курсы на какомъ угодно языкѣ (штатнымъ, конечно, за исключеніемъ обязательнаго курса). Затѣмъ, областныя земскія собранія (разныхъ степеней) постепенно будутъ рѣшать вопросъ о степени широты обязательнаго употребленія того или другого языка въ среднемъ и высшемъ образованіи. На нашихъ глазахъ въ нѣскольکو десятковъ лѣтъ съ аналогическою съ проектируемою нами постепенностью рѣшенъ былъ вопросъ объ уравненіи плебейскаго финскаго языка съ языкомъ шведскимъ, бывшимъ прежде единственно официальнымъ языкомъ въ Финляндіи, — и нѣкто не пострадалъ ни отъ этого уравненія, ни отъ его постепенности, а всѣ жизненные интересы края выиграли.

По такому же способу можетъ быть рѣшенъ и вопросъ объ употребленіи разныхъ языковъ въ учрежденіяхъ судебныхъ и административныхъ, о чемъ мы не считаемъ нужнымъ распространяться долѣе, такъ какъ этотъ вопросъ не имѣетъ такого общаго значенія, какъ вопросъ о языкахъ въ школахъ. Вопросъ же о языкѣ, на которомъ будутъ переписываться между собою разные присутственныя мѣста, есть болѣе дѣло акцидлярности, чѣмъ населенія собственно.

Какъ видитъ читатель, набросанныя сейчасъ соображенія не представляютъ чего либо неудобно исполнимаго и даже отличаются значительною уступчивостью сложившимся уже условіямъ жизни. Въ дѣлѣ реформы, главное, чѣмъ, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ дорожить, — это не столько попытками сразу осуществить всецѣло то, чего требуетъ теорія, — что по большей части не удается и ведетъ за собою сначала реакцію, а потомъ вредный оппортионизмъ, т. е., уступчивость качественную, а не количественную, — сколько яснымъ опредѣленіемъ направленія, въ какомъ безповоротно должны быть дѣлаемы реформы, сообразно росту общественнаго сознанія. Въ данныхъ, занимающихъ насъ, вопросахъ для насъ важно, чтобы различныя политическія дѣтели въ Россіи искренно признали несоотвѣтствіе централистически-національныхъ идей, польскихъ и великорусскихъ, съ интересами общей свободы и жизни различныхъ народовъ бывшей Польши и теперешней Россіи. Сознаніе это, по закону вещей, должно отразиться на ихъ политическихъ идеалахъ, на способахъ ихъ дѣятельности и, наконецъ, на плодахъ этой дѣятельности. Мы не позволяемъ себѣ пускаться въ частныя опредѣленія какъ способовъ, такъ, и плодовъ этой дѣятельности. Равнымъ образомъ мы не считаемъ для себя возможнымъ пускаться въ соображенія и о томъ, кто можетъ взяться за осуществленіе желаемаго нами преобразованія Россіи, тѣмъ болѣе, что,

правду говоря, всѣ, заявившіе себя въ послѣднее время общественные элементы, — правительственные, революціонные и земскіе, очень мало возбуждаютъ въ насъ оптимистическихъ ожиданій. Правительство, — даже послѣ того какъ всяческіе громы, отъ плевиенскаго до взрыва бомбы надъ Екатерининскимъ каналомъ и еврейскихъ погромовъ, — пробили его толстокожіе, очевидно, старается только „время провести“. Степень его реформаторской искренности видна уже изъ того, что даже въ то время, когда оно подбираетъ всевѣдущихъ людей на помощь своему невѣденію, оно не только не думаетъ снять уздечку съ печати, которая одна теперь могла бы послужить голосомъ новыхъ людей изъ общества, но даже давить и существующія покушающіяся быть независимыми изданія. Революціонеры, пока останутся при теперешнемъ своемъ составѣ, — преимущественно юношескомъ и непрофессиональномъ, — и на теперешней степени своего политическаго образованія, безсильны произвести что либо, кромѣ „террористическихъ“ опытовъ и смутнаго броженія въ странѣ, — которыя, конечно, колеблютъ существующее устройство государства, но не валятъ его окончательно и не замѣняютъ его новымъ; теперь они не въ состояніи даже организовать сколько нибудь широкое движеніе ни въ т. наз. интеллигенціи, ни въ т. наз. народѣ. „Земцы“ въ массѣ своей слишкомъ пассивны и даже тѣ изъ нихъ, которые до сихъ поръ дѣлали правительству замѣчанія о недостаткахъ теперешняго управленія, не только не возвысились до систематической его критики, съ противопоставленіемъ ей также систематическаго идеала, — но даже унизились до постановки всего вопроса о реформахъ въ Россіи такъ, что якобы самостоятельное земство лучше будетъ бороться съ „крамоломъ“, чѣмъ полиція.

Очевидно, что для проведенія сколько нибудь дѣйствительной реформы политическаго строя Россіи, нужны совсѣмъ новые люди. Слѣдуетъ надѣяться, что, если страна способна дать ихъ, то они появятся въ областныхъ и національныхъ политическихъ обществахъ, составленныхъ изъ лицъ зрѣлыхъ, разныхъ профессій. Но гадать не только о способахъ дѣйствія, но даже о составѣ этихъ обществъ, да еще изъ „прекраснаго далека“, было бы дѣломъ напраснымъ. Съ своей стороны, мы считаемъ задачу свою законченною, если намъ удалось критикой политики и стремленій до сихъ поръ заявившихъ себя дѣятелей — изъ обществъ, отъ которыхъ до сихъ поръ болѣе зависѣлъ ходъ дѣла на Востокѣ Европы, — указать на то, что, по нашему мнѣнію, было и есть въ нихъ ошибочнаго, и если намъ удастся, наброскомъ въ общихъ чертахъ нашихъ соображеній относительно болѣе цѣлесообразнаго настроенія усилий къ установленію хотя бы элементарной свободы для населеній обширной страны, — возбудить въ читателяхъ охоту къ самостоятельному пересмотру затронутыхъ нами вопросовъ. Только послѣ всесторонняго разсмотрѣнія сложныхъ политико-соці-

альныхъ отношеній, какія установились теперь на Востокѣ Европы, и въ частности въ Россіи, могутъ выработаться и правильные принципы политики въ этой странѣ. Правильные же принципы эти, — будучи разъ въ мысляхъ общественныхъ дѣятелей и перешедши въ ихъ горячія желанія, всегда найдутъ себѣ вѣщную форму выраженія и средства для исполненія, — какъ и наоборотъ, самая горячая преданность извѣстному дѣлу, доходящая даже до героизма, но невооруженная сознаніемъ надлежащаго его направленія и дѣйствительной его обстановки, почти всегда приводитъ только къ болѣе или менѣе бесплодной тратѣ силъ личныхъ и общественныхъ.

М. Драгомановъ.

ИЗЪ ПЕТЕРБУРГА.

(Отъ нашего корреспондента).

Число недовольныхъ растетъ съ каждымъ днемъ. Теперь больше всего слышно жалобъ и неудовольствій со стороны нашей аристократіи и даже такихъ ея членовъ, которые занимаютъ видныя мѣста въ администраціи и арміи. Предметъ жалобъ и неудовольствій — постоянно дурное расположеніе духа и безграничная подозрительность двора, необозоруживаемыя никакими услугами и доказательствами преданности. Однимъ изъ случаевъ, наиболѣе выказавшихъ такое настроеніе, послужилъ такъ называемый incident Meyendorf. Генералъ-Маіоръ баронъ Мейендорфъ, храбрый и блестящій кавалерійскій офицеръ, въ послѣднее время получилъ командованіе л. гв. гусарскимъ полкомъ, но вскорѣ имѣлъ несчастіе потерять милость, въ которой онъ пахотился, и на него стали возлагать отвѣтственность за такіе случаи, какой былъ, напр. съ княземъ Шерваншадзе, которые такъ аномальны, что никакою начальникоу не могъ бы предупредить ихъ. Когда на дняхъ лейбъ-гусарскій полкъ праздновалъ свой годовоіі праздникъ, то отъ государя, какъ шефа полка, ожидалась, по обыкновенію, поздравительная телеграмма. Въмѣсто нея баронъ Мейендорфъ получилъ депешу, въ которой выражалось сожалѣніе государя, что онъ не можетъ болѣе, какъ это дѣлалъ отецъ его, гордиться тѣмъ, что носитъ мундиръ полка. Депеша должна была быть прочитана въ кругу офицеровъ, изъ которыхъ многіе съ трудомъ могли сохранить при этой обидѣ свое хладнокровіе. Въ тотъ же день на банкетѣ, данномъ полкомъ, в. к. Марія Павловна (жена в. к. Владиміра Николаевича), будучи встрѣчена, при входѣ въ залу банкета, хозяйкою праздника, баронессою Мейендорфъ не подала ей руки, а только кивнула головою. Баронесса Мейендорфъ немедленно оставила залу, а мужъ ея въ тотъ же вечеръ подавъ въ отставку. Часть офицеровъ послѣдовала его примѣру.

Другой случай, занимающій высшее общество, это — взысканіе отставки графа Шувалова, адъютанта в. к. Владиміра Александровича, тоже причисляемая неблаговидной интригѣ. Замѣчательно, что Мейендорфъ и Шуваловъ — члены „святой дружины“.